

Культурная политика

DOI 10.34685/НЛ.2023.37.95.011

Спивак Д.Л.

Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО

Аннотация. Рассмотрены роль и место фундаментального концепта культурного наследия в Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на новый восьмилетний период (2022-2029). Подтверждено ключевое значение для культурной стратегии ЮНЕСКО традиционно выделяемых типов наследия (материального, нематериального, подводного, Всемирного, а также цифрового). Выявлена новая, перспективная тенденция в его разработке, состоящая в сопряжении наследия с ведением межкультурного диалога, что ведет к образованию нового, сложного концепта «многообразия наследия» / диалога наследий.

Ключевые слова: культурное наследие, культурное многообразие, межкультурный диалог, ЮНЕСКО.

Охрана, продвижение и ревитализация культурного наследия принадлежат к числу безусловных приоритетов ЮНЕСКО. Более того, прослеживается тенденция к повышению его значения в нормативных документах, выпускаемых указанной международной организацией. В задачу настоящей статьи входит выявление актуальных тенденций в разработке данного концепта, проведенное прежде всего по материалам стратегии ЮНЕСКО, рассчитанной на новый восьмилетний период (2022-2029). По тематике и методологии она непосредственно примыкает к нашей более ранней статье, ставшей одной из первых публикаций в отечественной и мировой научной литературе, посвященной изучению фундаментальных аспектов указанной, новой программы ЮНЕСКО [1].

Согласно традиции, первый раздел новой Стратегии посвящен рассмотрению миссии ЮНЕСКО. «В качестве специализированного агентства [Организации] Объединенных Наций, ЮНЕСКО, в соответствии со своей Конституцией, стремится к обеспечению мира, устранению бедности, устойчивому развитию и межкультурному диалогу посредством образования, науки, культуры,

коммуникации и образования» [2]. Отметим, что приведенная только что формулировка заключена в тексте Стратегии в кавычки, поскольку она воспроизводит без изменений соответствующий пассаж предыдущей восьмилетней Стратегии, действовавшей с 2014 по 2021 год [3].

Нужно заметить, что ссылка на Конституцию ЮНЕСКО, принятую в 1945 году, является не вполне корректной, поскольку первоначальная формулировка несколько отличалась от теперешней: «Цель Организации состоит в обеспечении мира и безопасности, посредством сотрудничества народов в образовании, науке и культуре, с тем, чтобы добиться повсеместного уважения к правосудию, верховенству закона, правам человека, и основным свободам для всех людей в мире, без различия их расы, пола, языка и религии, в соответствии с Хартией [Организации] Объединенных Наций» (1:1) [4].

С формальной точки зрения, такой вывод был бы обоснованным, прежде всего в силу того факта, что такие комплексные понятия, как устойчивое развитие и межкультурный диалог, были введены в лексикон ООН и ЮНЕСКО значительно позже, по результатам длительных и напряженных дискуссий. Вместе с тем, в тексте Конституции 1945 года близкие по содержанию положения можно обнаружить. Так, несколько выше по ее тексту, в преамбуле Конституции, сказано о задаче обеспечения «общего благосостояния человечества», а несколько ниже, в тексте раздела I:2a, говорится и о необходимости достижения «взаимопонимания между народами». Приняв во внимание аргументы этого рода, мы можем согласиться с мнением экспертного сообщества ЮНЕСКО, практически единодушно говорящего о преемственности формулировок его миссии, несмотря на внесение неизбежных интерполяций и инноваций.

Продолжая знакомиться с текстом раздела I, целиком посвященного разработке отдельных аспектов формулировки миссии ЮНЕСКО (он, кстати, так и называется – «Наша миссия»), мы можем прежде всего заметить целую цепочку упоминаний концепта культурного наследия, а кроме того, его постоянное сопряжение с концептом межкультурного диалога. Как первое, так и последнее представляют собой инновацию относительно текста предыдущей Стратегии. Как известно, понятие культурного наследия было подробно разработано там в тексте Стратегической цели 7 «Охрана, продвижение и передача наследия», а в других разделах встречалось лишь эпизодически (чаще всего – в виде видовых по отношению к нему понятий материального, нематериального, подводного и, конечно, Всемирного наследия). Что же касается диалога, то он был включен в текст указанной Стратегической цели 7 посредством концепта культурного разнообразия, но масштабно с наследием не сопрягался (прежде всего, потому что его разработке была уделена особая Стратегическая цель 6, где он сближался с инклюзивным развитием общества и с этическими принципами).

Для новой Стратегии ЮНЕСКО сопряжение наследия с диалогом представляет собой безусловный приоритет. Раздел I и начинается, собственно, с описания ключевых «глобальных вызовов», к числу которых отнесено нарастание опасности «расизма, эксклюзивного дискурса и

[разных] форм дискриминации», с одной стороны, и «угроз целостности культурного наследия» - с другой. В тексте того же раздела (статья I:2), коротко сказано и об основном направлении противодействия данным вызовам. Это – «продвижение богатства культурного разнообразия и охрана культурного наследия». Если принять во внимание, что обеспечение многообразия с необходимостью включает в себя межкультурный диалог, наличие обоих концептов следует считать безусловным.

Далее в тексте раздела, при рассмотрении глобальных приоритетов ЮНЕСКО, ставится задача «поддержки развития межкультурных компетенций...», и тут же, через точку с запятой, «...охрана культурного и языкового разнообразия и наследия» (I:23). Даже приняв во внимание, что последнее выражение, представляющее собой уже, скорее, сложный концепт «разнообразие / наследие» перешел сюда, скорее всего, из соответствующих разделов Декады действий ЮНЕСКО в поддержку языков коренных народов, упомянутой несколько выше в тексте рассматриваемого нами раздела (I:18) [5], его появление в концептуальной части новой Стратегии является, безусловно, серьезным нововведением.

Структурно сопоставимый ход мысли мы находим также в тексте статьи 31, помещенной в заключительной части рассматриваемого нами раздела I. Сосредоточиваясь на инновационных ходах, необходимых ЮНЕСКО для совладания с кризисными ситуациями, возникающими в условиях «вооруженных конфликтов и нестабильной обстановки, природных бедствий и угроз, и последствиях глобального изменения климата», Стратегия ЮНЕСКО упоминает, наряду с прочими инструментами, необходимость «учета новых данных и пробелов в действиях, связанных с инклюзией и межкультурным диалогом... защитой культурного наследия от разрушения, разграбления и незаконного перемещения». Как видим, опора на межкультурный диалог и на культурное наследие и здесь видится ЮНЕСКО как две смежных, а частично и пересекающихся задачи.

Второй раздел новой Стратегии посвящен описанию стратегических целей, намеченных ЮНЕСКО к достижению в ходе нового восьмилетнего периода. Первое, что мы замечаем при его рассмотрении, состоит в том, что количество целей существенно уменьшилось (в старой Стратегии (2014-2021) их было девять). Поскольку ни миссия ЮНЕСКО, ни общие целевые установки этой международной организации существенно не изменились, речь идет прежде всего о перегруппировке уже существующих концептов. Тем важнее понять сущность теоретических сдвигов как в сфере наследия, так и диалога.

Стратегическая цель 1 посвящена всемерной поддержке качественного, инклюзивного, непрерывного образования. Применительно к данной области, традиционно занимающей первое место в списке целевых приоритетов ЮНЕСКО, в прошлом не принято было выделять особых размерностей, связанных с наследием. По крайней мере, так обстояло дело с предыдущей Стратегией: там основной фокус был на инициировании сдвига от роли преподавателя как «передатчика знаний» к роли «наставника при обучении». В новой Стратегии особо выделено

значение «объектов Всемирного наследия, элементов нематериального наследия, объектов Памяти мира, биосферных резерватов и Глобальных геопарков ЮНЕСКО» (II:40). Все эти объекты осмыслены как «среды неформального образования», которым придана роль «инструментов познания и сплочения общества» [6]. Надо признать, что выделение данной размерности на пересечении предметных областей образования / воспитания и наследия является достаточно перспективным как для теории, так и практики культурной политики.

Стратегическая цель 2 посвящена экологической проблематике, взятой в ключе прежде всего Целей устойчивого развития ООН 5 и 13. Такой концентрации внимания на «зеленой» повестке в прежней Стратегии не было вовсе, там фокус был на «природопользовании и управлении экосистемами» (VII:55). Здесь же она не только была выделена в особую цель, но и получила довольно подробную разработку. В частности, «природное, геологическое и культурное наследие» теперь понимаются как единый, хотя, конечно, и составной, концепт, сохранение и обеспечение разнообразия которого видятся ЮНЕСКО жизненно важными в деле охраны природы (II:46). Несколько ниже по тексту Стратегической цели 2, указано, что обращение к «практикам нематериального культурного наследия» и к знаниям коренного населения, относящимся к «живому наследию», может существенно обогатить репертуар эффективных методов «зеленой политики» (подробнее см. статью II:49 Стратегической цели 2, и ее заключительный, нумерованный абзац).

Стратегическая цель 3 носит название «Построение инклюзивных, справедливых и мирных обществ путем продвижения свободы [само]выражения, культурного разнообразия, образования для глобального гражданства и защиты наследия». Как видим, сфокусированность на охране наследия, присущая старой Стратегии, теперь ушла в прошлое (раньше ей была уделена особая Цель 7, которая так и называлась «Охрана, продвижение и передача наследия»). Теперь наследие ушло на последнюю по месту в цитированном заглавии, но отнюдь не последнюю по значению позицию. Смысл этого, парадигматического сдвига в тексте Стратегии специально не объяснен, но, как нам представляется, вполне может быть реконструирован.

В первом приближении, этот смысл состоит в том, что основным средством для построения системы «открытых и мирных обществ» ЮНЕСКО видится межкультурный диалог – точнее, серия таковых, постоянно ведущаяся между всеми общественными группами и слоями. В тексте статьи II:59 новой Стратегии подтверждается его «ключевое значение» для миссии ЮНЕСКО в целом. Основой успешности диалога является наличие неких конструктов, объединяющей его участников. В тексте цитированной статьи таковых упоминается три: «объединяющие воспоминания», «общие истории» и «общие ценности человечества». Первые из них, наиболее тесно объединяющие участников диалога, служат гарантом его успеха; последние, наиболее общие, подключаются, когда других оснований для сближения подыскать не удастся. Возможное наличие других конструктов, входящее в компетенцию теории [культурной] памяти, вполне может

обсуждаться. Более важным представляется то, что источником этих конструктов является область культурного наследия [7].

При таком понимании текста Стратегической цели 3 становится более ясным, почему межкультурный диалог, занимающий достаточно важное место в тексте указанной Цели, не упомянут в ее заглавии; почему задача «охраны наследия», выдвинутая в начале Цели 3, превращается в задачу «охраны и продвижения разнообразия наследия и культурного [само]выражения» в ключевом «Результате 5», к которому, по замыслу авторов текста новой Стратегии, должно привести ее проведение в жизнь; и зачем, собственно, новый концепт «разнообразия наследия» так настойчиво продвигается в тексте Стратегии. Безусловная новизна этого терминологического сочетания, кстати, приводит к некоторой непоследовательности в его употреблении: в тексте статьи II:60 «разнообразии наследия» заменено на «культурный контент во всем его многообразии». Такая формулировка приравнивает культурное наследие к культуре в целом, что, вообще говоря, требует особой аргументации.

Таким образом, с тем, чтобы быть успешным, межкультурный диалог должен вестись на поле конструктов «общей памяти», а их источником может быть прежде всего наследие. Как следствие, диалог культур с необходимостью превращается в «диалог наследий», а культурное многообразие – в «разнообразие наследий», что и было зафиксировано в новом терминологическом сочетании, привлечшем наше внимание.

Целесообразность инновации данного типа была обусловлена выросшим и окрепшим в рамках экспертного сообщества ЮНЕСКО убеждением в необходимости внесения принципиальных изменений в преобладавший до недавнего времени мультикультурный подход к диалогу, который выказал свою безусловную неконструктивность. В рамках теории культуры, общее направление такого сдвига было осмыслено как необходимость перехода от мультикультурности к интеркультурной парадигме. Как подчеркнул в работе, специально посвященной разработке путей такого сдвига, Р. Сапата-Барреро, «в основе парадигмы интеркультурной политики лежит одна базовая идея: взаимодействие между разными группами в рамках [культурного] многообразия имеет значение, и это обстоятельство было оставлено без внимания в парадигме мультикультурной политики, которая была сосредоточена на сохранении культурных практик различных групп, по линии [обеспечения равных] прав и равных возможностей» [8].

В свое время автор этих строк довольно оперативно откликнулся на данную публикацию, выразив убеждение, что обсуждение концептов межкультурного диалога и наследия должно проводиться в рамках единого проблемного поля, причем опосредующий их сопряжение конструкт культурной идентичности было бы наиболее конструктивным понимать как «человеческую размерность наследия» [9]. Опубликованное на страницах одного из ведущих международных журналов, посвященных теории культурного диалога, это положение было с некоторым затруднением воспринято западными коллегами. Между тем, в рамках отечественной культурной традиции сопряжение конструктивного межкультурного диалога, с одной стороны, и опоры на собственное

культурное наследие, с другой, представляется более чем естественным и целесообразным, что, кстати, нашло себе отражение и в тексте недавно утвержденной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021). При рассмотрении наиболее целесообразных средств защиты ценностей и установок, базовых для российской цивилизации, в первом пункте соответствующей статьи (93) ставится задача обеспечения «межнационального и межконфессионального согласия» и почти сразу же вслед за этим, в пункте 8 – задача «сохранения материального и нематериального культурного наследия российского народа» [10].

Возвращаясь к тексту Стратегической цели 3, поставленной в новой Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО, есть и другие нововведения, небезразличные для теории культурного наследования. Так, в тексте статьи II:53 дана обновленная номенклатура основных типов наследия (недвижимое, движимое, подводное, документальное, нематериальное). В тексте предыдущей Стратегии (статья VII:66), такой список содержал лишь четыре типа и в целом выглядел более логично (природное и культурное, материальное и нематериальное). Надо признать, что целесообразность такого переноса акцентов пока остается не вполне ясной и подлежит дополнительной проработке.

К похожему выводу мы приходим и в результате анализа основного содержания Стратегической цели 4, посвященной в первую очередь оптимизации лавинообразного развития информационных и цифровых технологий. В рамках указанного проблемного поля выделена как задача охраны и продвижения документального наследия всех видов, так и задача налаживания в нем серии конструктивных диалогов, прежде всего с операторами цифровых платформ (см. соответственно статьи II:63 и II:69 указанной Цели). При всем ее безусловном своеобразии, данная проблематика, кстати, хорошо известна у нас; углубленному обсуждению ее наиболее конструктивных аспектов была посвящена недавно проведенная на базе Института наследия Всероссийская научно-практическая конференция «Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий» [11].

Заключительный, третий раздел Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на новый восьмилетний период посвящена наиболее актуальным направлениям развития данной международной организации, от улучшения взаимодействия с национальными комиссиями по делам ЮНЕСКО – до наиболее эффективных приемов формирования «новых нарративов». Примером последних служит недавно завершившаяся пандемия КОВИД-19, наиболее вероятные последствия и способы противодействия которой служат в последнее время предметом постоянного интереса как руководства ЮНЕСКО, так и его экспертного сообщества. В этой связи в свое время отмечалась, кстати, как важность той части культурного наследия человечества, которая состоит в способах эффективного противодействия пандемиям разного рода, так и необходимость включения указанной проблематики в круг интересов теории межкультурного диалога [12].

В завершение настоящей статьи, считаем необходимым коснуться не связанного прямо с ее тематикой, однако необходимого вопроса. Сущность его состоит в том, что с началом СВО

руководство ЮНЕСКО заняло под давлением представителей ряда стран не вполне конструктивную и сбалансированную позицию, что затруднило взаимодействие данной организации с нашей страной. Закономерно встает вопрос, в какой мере конструктивным является продолжение изучения культурной стратегии ЮНЕСКО и включение ее элементов в государственную культурную политику РФ.

Как отметил в недавнем интервью новый Постоянный представитель нашей страны при ЮНЕСКО Р.Ж. Аляутдинов, «своей главной задачей вижу необходимость обеспечить преемственность российской линии в ЮНЕСКО, продолжать последовательную работу по закреплению в Организации имеющихся серьезных достижений в нашем сотрудничестве, продвигать новые проекты и инициативы в области образования, культуры, науки, коммуникации и информации» [13]. Таким образом, в настоящее время наш курс ориентирован на отстаивание законных прав и интересов РФ на площадках ЮНЕСКО. К числу таковых, относится проблематика наследия (в тексте указанного интервью выделены прежде всего необходимость и желательность по линии охраны и продвижения Всемирного наследия, а также поддержка «живого наследия», в первую очередь, применительно к языкам коренных народов). Следует подчеркнуть, что концепция настоящей работы следует именно данному курсу.

Переходя к основным выводам, сделанным нами на основании анализа основного текста Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на новый восьмилетний период (2022-2029), считаем целесообразным выделить следующие положения:

1. Фундаментальные концепты как культурного наследия, так и межкультурного диалога продолжают иметь краеугольное значение для стратегии данной международной организации;
2. Сопряжение указанных двух концептуальных понятий в рамках более сложного, составного концепта диалога наследий / «многообразия наследия» принадлежит к числу ключевых инноваций, внесенных в стратегию ЮНЕСКО на современном этапе. В общих чертах, оно отражает назревший в теории культурной политики сдвиг от мультикультурности – к интеркультурной парадигме;
3. Включение указанной инновации в кругозор современной отечественной культурологии, а также ее учет при корректировке государственной культурной политики РФ следует полагать вполне целесообразным и конструктивным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Spivak D.L.* Intercultural dialogue in UNESCO new medium-term strategy // *International Journal of Cultural Research*, 2022, No. 1 (46), p.111-125. DOI: 10.52173/2079-1100_2022_1_111. Данная статья была встречена с интересом как в научной среде, так и в экспертном сообществе ЮНЕСКО (к примеру, она была сразу же продублирована на одном из авторитетных профильных сайтов, поддерживаемых международной Сетью кафедр ЮНЕСКО/ЮНИТВИН (см.: [Intercultural Dialogue in UNESCO New Medium-Term Strategy | UNESCO-](#)

UNITWIN IDIU. - Url: <http://unitwinidiu.org/intercultural-dialogue-in-unesco-new-medium-term-strategy/> (дата обращения: 20.04.2023).

[2] Medium-term strategy 2022-2029. 41 C/4. Paris, UNESCO, 2022, p.11 (как данная, так и последующие цитаты приводятся в переводе автора настоящей статьи с английского языка; пояснения в квадратных скобках также включены в текст цитат автором).

[3] Medium-term strategy 2014-2021. 37 C/4. Paris, UNESCO, 2014, p.13.

[4] Constitution of the United Nations educational, scientific and cultural organization. – Url: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/constitution#article-i> (дата обращения: 20.04.2023).

[5] См., например, статью 5 в тексте преамбулы к давней старт данной Декаде так называемой «Декларации Лос-Пинос» // Los Pinos declaration [Chapoltepec] – Making a Decade of action for indigenous languages. Mexico, UNESCO, 2020. p.3. – Url: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374030> (дата обращения: 20.04.2023).

[6] Medium-term strategy 2022-2029. 41 C/4. Paris, UNESCO, 2022, p.22.

[7] Современное состояние разработки междисциплинарного проблемного поля культурного наследия достаточно полно представлено в научных изданиях, вышедших в свет под эгидой Института наследия, как в виде статей в ряде научных журналов, издаваемых институтом, так и в виде монографий. В числе последних укажем коллективную монографию «Культурное наследие – от прошлого к будущему» (М.-СПб., Ин-т Наследия, 2022), подводящую основные итоги V Российского культурологического конгресса с международным участием (2021), который был специально посвящен культурному наследию; и «Энциклопедию нематериального культурного наследия России» (М., Ин-т Наследия, 2022); в числе первых – статьи: *Аристархов В.В.* Россия в системе международного регулирования охраны нематериального культурного наследия // Культурологический журнал. – 2021. – № 4(46). – Url: http://cr-journal.ru/rus/journals/551.html&j_id=49; *Житенёв С.Ю., Окорочев А.В.* Наука о культуре: от прошлого – в будущее (материалы по истории Института Наследия) // Журнал Института наследия. – 2022. – № 2(48) – Url: http://cr-journal.ru/rus/journals/589.html&j_id=52. См. также: *Сургуладзе В.Ш.* Россия в программах ЮНЕСКО: опыт и потенциал сотрудничества // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 5(32). – С. 85-104; *Галкова О.В.* Теоретические основы культурного наследия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. – 2011. – № 3(15). – С.110-114; *Октябрьская И.В.* Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, Вып. 3. – С. 20-31; *Горячев Ю., Захаров В.* Традиционные ценности и культурное наследие в документах ЮНЕСКО // Этнодиалоги. – 2016. – №2(51). – С.103-120; *Соколова А.С.* Вклад ЮНЕСКО в сохранение Всемирного культурного наследия // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 132-137; *The Palgrave handbook of contemporary heritage research / Eds. E.Waterton, S. Watson.* Houndmills, Palgrave Macmillan, 2015.

[8] *Zapata-Barrero R.* The intercultural turn in Europe: process of policy paradigm change and formation // Interculturalism at the Crossroads. Comparative Perspectives on Concepts, Policies and Practices / Ed. F. Mansouri. Paris, UNESCO, 2017. P.181.

[9] *Spivak D.* Dialogue and heritage in the cultural strategy of UNESCO: a brief overview // Culture and Dialogue, 2017, No.5, p.242-252. Общий теоретический контекст данной работы представлен целым рядом работ отечественных и зарубежных авторов: *Astafieva O.N.* The development of UNESCO dialogue models and their inclusion in the cultural policy strategies // KnE Engineering, 2018, No. 3(8), p. 1–7; *Хачикян Е.И., Непарко М.В.* Роль ЮНЕСКО в развитии межкультурных компетенций и обеспечении межкультурных диалогов // Проблемы

современного педагогического образования, 2020, № 68-2, с.367-370; *Белякова И.Г.* Межкультурная коммуникация и мультикультурализм. Транснациональная компетентность в эпоху глобализации // *Общество: философия, история, культура.* – 2016. – №3. – С. 64-65; *Intercultural dialogue: in search of harmony in diversity* / Ed. E. Demenchonok. Cambridge, Cambridge Scholars Publishers, 2014; *Fitzpatrick F.* Understanding intercultural interaction. An analysis of key concepts. Bingley, Emerald Publishing, 2020; *Jonkers P.* Inescapable boundaries as a challenge to intercultural dialogue // *Crossing boundaries: Challenges and opportunities of intercultural dialogue* / Ed. Y. Fu. Washington DC, Council for Research in Values and Philosophy, 2022, p..23–37; *Brasil Alves J., Cabecinhas R.* Intercultural dialogue and intergroup relations in Europe: contributions of cultural studies and social psychology // *Comunicação e Sociedade*, 2019, Special Vol., p. 105–118.

[10] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. – Url: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.04.2023).

[11] В особенности см.: Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий / Ред. С.Ю.Житенёв. – М.: Ин-т Наследия, 2020. – С. 12-19, 30-51.

[12] Подробнее см. материалы вкладки «Коммуникация и информация: ответ КОВИД-19» на официальном сайте ЮНЕСКО [=Communication and Information: Response to COVID-19]. – Url: <https://www.unesco.org/en/covid-19/communication-and-information-response> (дата обращения: 20.04.2023).

[13] Интервью Постоянного Представителя России при ЮНЕСКО Р.Ж.Аляутдинова информационному агентству ТАСС о перспективах сотрудничества России и ЮНЕСКО (24.03.2023). – Url: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/interview_tass/ (дата обращения: 20.04.2023).

Спивак Дмитрий Леонидович

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва)
E-mail: d.spivak@mail.ru.

Spivak D.

Dialogue of heritages in cultural strategy of UNESCO

Abstract. *Role and place of the fundamental concept of cultural heritage in Medium-term UNESCO Strategy, envisaged for a new eight-year period (2022-2029). Key significance of traditionally delineated heritage types (tangible, intangible, underwater, World, as well as the digital one) for UNESCO cultural strategy is reaffirmed. A new, perspective tendency in its elaboration is traced back, consisting in conjunction of heritage with intercultural dialogue, resulting in formation of a new, complex concept of the 'diversity of heritage' / dialogue of heritages.*

Key words: *cultural heritage, cultural diversity, intercultural dialogue, UNESCO.*

Spivak Dmitry Leonidovich

D. in Philology.

Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after D.Likhachev (Moscow)

© Спивак Д.Л., 2023.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023.

Url: http://cr-journal.ru/rus/journals/614.html&j_id=56